

Последнее слово / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Последнее слово / рассказ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

*«Легкой жизни я просил у Бога
Легкой смерти надо бы просить»*

И. Тхоржевский

– Возова, наркотики принимала?

– Да.

– Приход был?

– Да.

– Так распишись же, Славна.

Возова Маргарита Ростиславовна, которую вся подстанция звала сокращённо-уважительно – Славна, расписалась в журнале и вышла к машине. Опять вызов, и десяти минут не дали отдохнуть. Что за смена сегодня, вроде не Новый год, не Восьмое марта, не выпускной, обычная суббота, а работы завал. И отравления, и ножевые, и маньяки – весь праздничный набор. Она одна, и за врача, и за фельдшера. Ноябрь – месяц хмурый и мрачный, склоняющий мужской состав подстанции к запою. Ведь как закон – ноябрь, время запоя, поэтому врач Богров сейчас поправляет расшатанную тяжёлой работой психику, «встречает Скорпиона», а фельдшер Возова тянет все вызова третьей бригады в одиночку. «Работать, мать-перемать, совсем некому, Славна, войди в положение, выручай», – просит руководство, и Славна, в свои пятьдесят девять, как лошадь, больше похожая на клячу, тянет лямку – выручает руководство, берёт дополнительные смены, ездит на вызова, таскает чемодан, лечит, матерится и зверски устаёт. Сегодня особенно тяжело, уже подташнивает от усталости, а ещё вся ночь впереди. К утру фельдшер Возова будет похожа на изрядно выпившего пациента – глаза красные, речь несвязная, ноги подгибаются, всё норовит к чему-нибудь прислониться и глазки прикрыть. Это будет, как всегда, а пока – очередной вызов.

«73 года, повышенное давление, живёт одна, позавчера был вызов по той же причине». Ясно, наверняка опять развлечение скучающей бабки. Атракцион есть такой – «Скорая помощь». Без выходных, круглосуточно, бесплатно (если есть полис), без возрастных ограничений, ну просто грех не воспользоваться. Сценарий до боли знаком, хорошо, что на представление ехать рядом. Фельдшер закидывает свой фельдшерский ящик в машину, называет адрес. Водитель, здоровенный детина сорока лет, которого все и всегда зовут Притуля, через пару минут подъезжает к искомому подъезду.

– Ты иди, Славна, я вот рядом притулюсь. – Притуля начинает виртуозно маневрировать в заставленном припаркованными на ночь машинами дворе, чтобы освободить проезд машине такси.

А фельдшер тащит свой кажущийся с каждым очередным вызовом всё тяжелее ящик с раскладкой медикаментов на седьмой этаж, потому что лифт именно в этом подъезде, именно сейчас не работает. Прелесть, а не смена! Наконец, добравшись до седьмого, доктор натягивает свободно болтающуюся противогриппозную маску повыше, на уши и нос. Мысленно: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его», звонок.

– Вы почему так долго? Почему одна, вы врач или фельдшер?

– Я доктор.

– А почему в маске – заразная? А почему не разувааетесь, на улице грязь, сейчас всё мне затопчете.

– Замок на сапоге сломался, не снимается, извините. Полис, пожалуйста, на что жалуетесь?

– Я не жалуюсь, я болею. Давление у меня высокое, а тонометр сломался. Вы почему так долго едете, я полчаса назад вас вызвала, а ехать тут всего минуточку. Вы же должны ветеранов обслуживать в первую очередь. Я завтра обязательно буду жаловаться на такое хамское обращение с ветеранами войны.

– Ветеранами битвы на Калке и обороны Козельска?

– Чего?

– У вас сорок третий год рождения, вы ветеран какой войны? Рукав освободите и помолчите.

– Вот завтра узнаете, какой...

– Помолчите, мешаєте... У вас прекрасное давление, сто двадцать

на восемьдесят, хоть сейчас в полёт на Юпитер отправлять.

– Куда? Я вся измучилась, уснуть не могу, куда вы меня отправлять собрались, я никуда не поеду.

– Никуда и не надо, сейчас укольчик сделаем, сожмите кулак, ещё, ещё... Ну вот, дорогой товарищ ветеран, за пять минут все нервы мне вымотала, спи спокойно, пока лифт не починят.

Славна вынула шприц из вены крепко спящей пациентки, залепила пластырем. Прошла на кухню ополоснуть руки и увидела лежащий на полке исписанный лист. Памятка на день. Помимо прочего, на сегодня хозяйка квартиры запланировала испечь пирог, свозить внука на тренировку. В самом конце, на 0 часов, с пометкой «если не усну» значилось: «вызвать Скорую». Прекрасный план действий, не уснула – вызвала, завтра жди жалобу. Время 0-50, наверняка ещё вызов скинули.

Через десять минут Притуля, следуя на адрес вызова, при въезде во двор остановился:

– Славна, двор тупиковый, давай я тебе чемодан дотащу, а то боюсь, развернуться там будет негде, пойдём донесу.

– Всегда «за», пошли, мой потаскун и насильник.

Но идти не пришлось, к машине подошёл дедок лет семидесяти:

– Вы в двадцать третью, по вызову? Это я, двор у нас тупиковый, там не развернётесь. Доктор, зубы у меня последние разболелись! Уколите, а то не доживу до понедельника. Я тут пробовал сам, тампалгина пачку съел, водки бутылку выпил, хоть бы чуть-чуть помогло. Доктор, помогите, я оплачу сколько надо. Больной не мог спокойно стоять, он «танцевал» от боли, что он выпил бутылку водки – и не видно, весь алкоголь ушёл на подавление боли, но тщетно. После того как в прошлом году на единственный во всём городе дежурный кабинет стоматолога напали наркоманы – избивали доктора, утащили медикаменты, разгромили оборудование – никто из дантистов ни ночью ни в выходные не принимает ни за какие деньги. Зубы болят? – вешайся до утра или до понедельника, как повезёт. Обречённые стали обращаться за обезболивающим к ветеринарам или «на скорую». И изменить тут ничего нельзя. Наркотики «кариесникам» не положены, а ничто другое сейчас уже не поможет.

– С сердцем проблемы были, инфаркты, операции?

– Нет, только влюблялся в юности. Доктор, зубы у меня болят, а не сердце!

Славна заводит пациента в машину, оголяет его плечо и без сожаления колет два куба морфина из заначки (ампулу она сдала ещё неделю назад).

– Сейчас отпустит, сейчас. Я вот ещё шприц, уже заряженный, оставлю, завтра вечером уколетесь так же, а в понедельник с утра к стоматологу. Всё понятно, отлегло?

– Наверно, не пойму пока ничего. Сколько я должен?

– Да что вы, скорая помощь у нас бесплатная, шприц берегите на завтра.

Они выходят из машины, пожилой пациент благодарно приобнимает доктора и удаляется. Славна смотрит ему вслед. Она знает таких больных. Такие всю жизнь «лечатся» градусником, да и некогда им болеть. Если они обратились к врачу, значит припекло по-настоящему, а уж если скорую вызвали, то это совсем катастрофа. Они просят прощения у врача за беспокойство и встречают машину скорой ещё на дальних подступах к своему жилищу. Они суют деньги и поят доктора чаем или чем-то угощают, они видят во враче человека, а не должно-обязанного раба. Они редкое исключение из общей массы вызовов. Ведь почти все пациенты считают себя самыми больными, с уникальным заболеванием, требующим особого подхода и пристального внимания. Все пациенты норовят «попить крови» из медиков.

Уже возвращаясь на подстанцию, Славна нащупала в кармане куртки купюру, вытащила – тысяча. Сунул-таки, когда прощался. Вот и скажи после этого, что не торгуешь наркотиками.

Кофе попить не дали, заполняя карту последнего вызова (после полуночи это смахивает на записки сумасшедшего), Славна услышала ненавистный (в три часа ночи особенно) голос диспетчера: «Третья на вызов». Ехать далеко, на местную «Рублёвку», в пригород, заполненный жилищами особо одарённых горожан.

Притуля остановил метров за сто до назначенного адреса:

– Ты хоть знаешь, кто здесь живёт?

– Пожилой пациент, судя по жалобам, песок с него сыпется из почек. Не умничай, Притуля, тебе не идёт, чего здесь встал?

– Славна, здесь Вася Жигуль живёт, он Смотрящий по области, давай тут встанем, а то ведь ребята серьёзные, вдруг чего не так поймут.

– И что, твой Смотрящий из другого мяса сделан? Рули к воротам.

– Он не мой, он наш общий, ну смотри, я предупредил, – проямлил Притуля и подкатил машину к высоченной стене, окружавшей усадьбу. Мощная кирпичная стена высотой метров пять, а может и все семь, ну как у Московского Кремля, наверное. Ярко освещённый плац перед воротами, на нём стоят несколько дорогущих машин чёрного цвета, госномера машин с разными буквами, но у всех цифры: 001.

«В пожарных не наигрались», – подумала Славна, выходя из скрипящей на все лады Газели.

– Славна, ты там это, аккуратней с речами.

– Цыц, Мурзик, притулись тут пока, я пошла посмотреть Смотрящего.

Рядом с воротами глухая дверь. Без ручки, без звонка, без окошка. И как к вам попасть, замурованные? Славна занесла было руку над дверью, чтобы постучать, но в этот момент дверь открылась. Перед фельдшером выросла квадратная, по два метра во все стороны, туша.

– Скорая, где больной?

– Какая ты скорая, а где белый халат, как...

– Сивуч, ты что гонишь, они сейчас все разноцветные стали, по мастям, наверно, Жигуль там погибается, а ты дуркуешь. – Необъятную тушу в проёме двери заменил поджарый, спортивного вида парень. – Проходите, доктор.

Славна проникла наконец за стену усадьбы, сунула свой чемодан Сивучу:

– Проводи к больному. – Ещё хотела добавить: «Не петушись, голубок», но воздержалась.

Могучий Сивуч вопросительно глянул на второго охранника и послушно взял в свои лапищи медицинский ящик:

– Пойдёмте.

Внутри усадьбы... Ну, это как внутри католического собора, при его величественных размерах чувствуешь себя ничтожной пылинкой. Всё огромное, дорогое, почти монументальное. Они долго шли по длинным, слабоосвещённым коридорам, многочисленным комнатам и залам, пока наконец не добрались до нужной двери.

– Жигуль, врача пустить? – Жалобно запросил Сивуч перед дверью.

– Давай, – отозвались изнутри.

Фельдшера вместе с чемоданом протолкнули в небольшую комнатку и закрыли дверь с обратной стороны. Совсем маленькая, квадратов десять, прокуренная комната без окон. Незастеленная дешёвая кушетка, табуретка, простенькая тумбочка рядом, на ней пепельница, утыканная папиросными остатками, пачка «Беломора», зато торшер на три лампы в виде бронзового атланта, дорогой и здесь аляповатый. На кушетке – хозяин сего заведения, авторитет Вася Жигуль, сухощавый, неказистый старичок за семьдесят.

– Присядь, доктор, потолкуем. – Вся неказистость сухонького старичка испарилась и хочется только одного – беспрекословно выполнять всё, что он скажет. – Почки болят и в живот стреляет. Давно, сильно, честно. Я бы потерпел, да завтра пацаны приедут, дела важные решать, надо быть в форме. Ширни как следует, но чтобы в уме остался. Сможешь?

– Полис?

– Ты ещё партбилет спроси. У меня тут скромно, по-босяцки. Рассчитаемся, не обижу, ширни.

– Сейчас, температуру и давление померяем.

– В норме, коли. – И Славне хочется только одного – подчиниться.

– Вообще-то, с такими показаниями следует в стационаре несколько дней провести, пока кризис не пройдёт. В вашем возрасте...

– Ты всё?

– Да, сейчас отпустит. Я оставлю вам ещё ампулы, если опять будет сильно болеть, есть кому уколоть? – Славна оставила

рядом с полной пепельницей четыре ампулы баралгина и шприцы.

– Найдём. Да, молодец, уже легче, посиди со мной ещё. Глаза у тебя хорошие, чистые, такие редко вижу. Ты не боишься ничего, значит, совесть чиста.

– Знаете, после работы на скорой уже нечего бояться. Говорят, скорачи после смерти сразу в рай попадают. Тридцать лет на скорой, чем не чистилище?

– Это да. А я вот и в чистилищах сколько раз бывал, а в рай никак напроситься не могу.

– Ну, выбор-то был...

– Какой выбор, когда твою мать сажают «за три колоска», она беременеет неизвестно от какого вертухая, а ты рождаешься на зоне? Где родился, там и сгодился. Ну ладно, это я в больном бреду... Ты же помнишь, что чем короче у человека язык, тем длиннее его жизнь?

– Разумеется, врачебная тайна или могила.

– Умница. – Жигуль криво улыбнулся одной половиной рта и подал Славне визитку. – Вот тебе номер пацанов моих, если нужна будет помощь, обращайся. Только тут пойми правильно, это не про деньги, у меня ведь, по жизни, из личных вещей только трусы и финка, всё остальное с общака. Но вот если обидит кто – звони смело. За ширево спасибо, сейчас с тобой рассчитаются. Не болей, доктор. – Теперь он улыбнулся другой половинкой рта и громко позвал: – Сивуч, проводи и угости по-человечьи.

– Да, ещё вам нельзя алкоголь, физические нагрузки, переохлаждение и... до свидания, – закончила Славна уже за дверью.

Сивуч опять повел её по коридорам и комнатам. Вот это ж кому столько? Жигуль «скромно, по-босяцки» занимает самую маленькую комнатку этого дворца, а остальное зачем? В одной из комнат они задержались. Сивуч достал из стоявшего там огромного холодильника бутылку коньяка, диковинного, наверняка дорогущего, затем в большой, «мечта оккупанта», пакет накидал консервных банок, свёртков, фруктов, сверху положил коньяк и подал доктору.

– Я с водителем, – не растерялась Славна.

Сивуч доложил в пакет бутылку Absolut, ещё несколько банок и

свёртков.

– Спасибо.

– Вам спасибо, доктор, мы за Жигуля ничего не пожалеем.

И они пошли дальше, её проводили за ворота, до самой машины. Фельдшерский ящик бережно и вежливо подали, когда Славна с тяжёлым пакетом уже забралась в кабину «Газели». Осталось только честь отдать, провожая.

– На, Притуля, тебе «грево от пацанов», – сказала Славна, доставая бутылку водки из пакета, когда они отъехали от стен усадьбы Смотрящего.

– Славна, ох...ть, ты это как? В авторитете ты там, это, правда, мне передали?

– Тебе лично, давай, милок, ох...й на базу, кофе хочу.

Кофе в четыре утра, это святое. Грешно так думать, конечно, но хорошо, что все на вызовах, комната отдыха пуста. Славна расстегнула сапоги, закинула ноги на соседний стул и наслаждалась крепким кофе с сигаретой и непродолжительным одиночеством. Только что звонил Богров, брат-напарник, врач-запойца, просил утром после суток заехать, прокапать. Это хорошо, откапается, отойдёт от запоя, на следующие сутки вместе будут. С ним, конечно, легче. Думает он, назначает он, беседует он, чемодан таскает тоже он, коли себе молча как дурочка. Выйдя с вызова, они обычно стоят возле машины, выкуривают одну на двоих сигарету. Если кто-то из «бездомных» бездельников, вечно сидящих у подъезда, пытается умничать и что-то им сказать, врач и фельдшер, не сговариваясь, в унисон отвечают: «Иди(те) в ж...». Грубо, но честно и доходчиво. Да, с Богровым работать прелесть, ведь мужик, впрочем, какой из него мужик, он же врач.

Допивая кофе, Славна увидела за занавеской прояснившееся ночное небо. Ага, полнолуние нынче, вот из-за чего аншлаг по гарнизону! Сейчас и её вызовут. После тридцати лет «чистилища» Славна уже наперёд знала, что и как будет на работе, и вся подстанция советовалась с ней. Жаль только, что у работающего пенсионера родная страна норовит что-нибудь откусить, а не прибавить. Будто она работает хуже или пенсию не заработала.

Ребята дорогие, медик-пенсионер работает только потому, что размера пенсии не хватает, и за тридцать лет работы в «поле», а не в кресле начальника, накоплений – ноль.

А ведь когда-то всё было впервые. Первый день, первый вызов. Молоденькая фельдшер Рита, сама чуть больше своего чемодана, едет с врачом Ингой Шираловной в порт, там рабочий с пирса в воду упал. Приехали, утопленника уже вытащили, он, бездыханный, лежит на бетонке пирса. Врач обошла тело и молча направилась обратно в машину. Рабочие, стоявшие рядом, стали совестить медиков:

– Девчонки, ну вы хоть бы для виду его покачали, искусственное дыхание поделали.

– Хотите с ним целоваться – целуйтесь, – отрезала Инга Шираловна и продолжила свой путь.

Тут факел пылающий, первый день как фельдшер, Рита, с заветами Гиппократ в глазах, бросилась откачивать утопленника. «Целовать» (ИВЛ линейным бригадам тогда ещё не выдавали), качать, «целовать», качать, как по учебнику. Даже спустя десятилетия помнится тот слабый толчок чужого сердца под рукой – завела! Ещё бы не помнить, именно в этот момент оживающий пациент окатил спасителя содержимым своих лёгких. Оживила... спустя неделю пожалела о содеянном. Оживший решил судиться, он был крайне возмущён, что фельдшер, вытаскивая его с того света, повредила ему два ребра. Снял экспертизу, подал заявление. Вскоре забрал, передумал, потому что мужики, портовые рабочие, видевшие, как всё происходило, пообещали ему доломать остальные рёбра и утопить окончательно. Обошлось, но урок начинающий фельдшер запомнила – добро наказуемо.

Сейчас фельдшер Славна знает и может больше, чем большинство врачей. Она знает, что сосуды лучше всего чистить алкоголем, а лечить ангину – полосканием трихополом, что на любой рекламируемый препарат существует, это норматив, копеечный аналог, что противогриппозная прививка помогает от гриппа прошлогоднего и бесполезна от гриппа грядущего, и ещё многое, многое, чего не увидишь и не прочтёшь ни в каком «Здоровье».

Её стаж, лишь дважды прерываемый рождением детей, огромен для одного человека. Сотни людей, а может, уже и тысячи, вытянутых её руками из самых лап небытия. Сотням, а может, уже и тысячам помочь не удалось. Были наработки и достижения, были ошибки и провалы.

Что-то ближе к утру в философию потащило. Воздействие полнолуния на женщину в законченной фазе климакса? «Третья на вызов». Кто бы сомневался. Славна ополоснула свою чашечку, застегнула сапоги. Вперёд, до третьих петухов совсем немного осталось, дотянем.

Вызов в «Мутный квадрат». Четыре дома-близнеца, стоящие друг против друга квадратом с небольшими просветами между собой для прохода-проезда жильцов. Уютно внутри двора: летом зелено, зимой белено, в ноябре серо и грязно. Всё здесь хорошо, но любой риелтор в городе знает, что цена жилья в этих домах дешевле обычного на треть. Дешевле лишь потому, что это «Мутный квадрат». Четыре рядом стоящих дома имели адреса четырёх разных улиц, сходящихся здесь своими чётными сторонами. В каком-то, явно нездоровом угаре, превосходя любого Малевича, отцы-топографы назначили этим домам такие адреса, что сами жильцы запоминали их со шпаргалкой. И не удивительно: 40 лет Победы, 60; 70 лет Октября, 50; 50 лет Октября, 40; 60 лет СССР, 70. Ваш какой? Запомните с пятого раза, с третьего не получится, а лучше запишите. Со всего города из нежилецов здесь безошибочно ориентировались только два таксиста, один мастер по домофонам и Притуля; все остальные, включая спутниковый навигатор, безнадежно плутали. Во дворе и цифрах. Сейчас вот «попугайчик» – ярко разукрашенная машина реанимации – стоит посреди двора. Врачи не поймут, куда бежать, где умирающий? Подъехавший на другой вызов Притуля быстро направляет реаниматоров в нужный подъезд. Ничего, дальше едешь – точнее диагноз.

Славне в соседний подъезд, на шестой этаж. Лифт, маска на лицо, «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его», звонок.

– Открыто.

В коридоре темно, проходим в комнату, там полумрак. Где тут

болящий? Ага, постель, лежит. Глаза нехорошие, «загадошные», дышит прерывисто, руки «ходят», чудить будет.

– Полис, пожалуйста, и свет надо включить.

– Не надо света, и так всё видно.

Он, парень лет двадцати, с безумными глазами, откидывает одеяло и предстает перед немолодым фельдшером скорой во всей своей красе, молодой, нагой и эрегированной:

– Ты видишь его? Ему надо помочь, доктор. Срочно!

Ну, что тут скажешь, тут надо действовать. Срочно!

– Хорошо, мой генерал, но я хочу с виагрой, у меня есть на двоих, давай сначала уколемся. – И Славна быстро вводит любителю ночных ролевых игр куда-то в бедро крепко седативный галоперидол, десять кубов. Вот и развлеклись на пару суток, вот и успокоились. Отдохни, мразёныш, скоро тобой займутся, помогут и тебе, и ему.

Славна закрыла чемодан и пошла на выход. В коридоре остановилась, включила свет, посмотрела на своё отражение в висящем на стене зеркале. Да, Рита, в свои пятьдесят-пятьдесят девять – баба-ягодка снова, нет, скорее уже баба-яга. Не складно, но верно.

Спускаясь в лифте, Славна достала визитку Жигуля. А что, попросить пару хлопцев с квадратными мозгами и мышцами, пусть на кладбище на один знак плюс будет больше, а для скорой на одного опасного психа меньше. Можно, конечно, официально: писать бумаги, назначать экспертизы. Но процесс растянется на годы, психопат будет изворачиваться и искусно мимикрировать, когда его безумство не в фазе возбуждения, то выявить его очень сложно. Ладно, это на трезвую голову решим, когда отоспимся после суток.

Сутки на исходе, почти пять утра. Не заезжая «домой», следующий вызов, к сердечнику. Хрущоба, последний, пятый этаж без лифта – это предутренний кайф. Неподъёмный чемодан с раскладкой. Единственное достоинство этого ящика с острыми металлическими углами – от собак хорошо отбиваться. От бездомной своры на дачном массиве или от «не бойтесь, она умная, не укусит» в чьей-нибудь квартире. Во время подъёма

странно и некстати вспомнились строчки из какой-то старой патриотической песни: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает...». Это бред усталости, часть предутреннего кайфа.

Как тяжело, как невыносимо тяжело, обездвиживающая усталость, да что же это. Боль в груди резкая, жгущая, невыносимая, рвущая. Вздохнуть, а нечем, диафрагма не двигается... Рука сама выпускает ящик, а ноги подкашиваются. Вызов к сердечнику. Сердце, мотор, миокард, мышца жизни, насос, орган любви... у неё всего несколько секунд. Дотянуться до ящика, уколоть себя... несколько секунд. Она оседает и заваливается прямо на лестничной площадке, в проёме между третьим и четвёртым этажом у межэтажного низкого окошка. У неё нет сил, но есть несколько секунд...

Что можно успеть за несколько секунд, это же ничтожно мало. Человек не задумываясь тратит минуты и часы, месяцы и годы, всю жизнь. Человек вообще мало ценит то, что получил даром, например, жизнь. Так что там эти несколько секунд? Фельдшер Возова знала цену этим нескольким, самым главным секундам. Она много раз видела, как люди покидают мир. Как они пытаются что-то сказать. Что-то главное, подводящее черту под всей прожитой, уже законченной жизнью. Обычно слышны лишь хрипы, стоны, но иногда и связные слова. Очень важные слова, итоги. Дотянуться до ящика, уколоться? Если получится, что вряд ли, то она выживет, она будет долго и мучительно проходить реабилитацию, волочить ногу, косить, мямлить, глупеть и мучиться запорами. Она будет обузой детям и внукам, она навсегда будет тяжёлым инвалидом. У всех инвалидов испорченный характер. Здоровый человек и не замечает тех трудностей, которые приходится постоянно преодолевать инвалиду. Жизнь инвалида это не жизнь, это ежесекундная борьба за жизнь. От этого портится характер. Она тоже будет хнычущей, озлобленной, беспомощной? Дотянуться, уколоться? С её-то диагнозом и до мелочей расписанным последующим эпикриз-сценарием? Потратить на это последние, самые ценные секунды жизни?

Сейчас Притуля, стоящий у подъезда, от безделья глянет на

подъезд, потом вверх, и увидит её, лежащую между третьим и четвёртым этажом. Он будет набирать в домофоне цифры, рванёт вверх, закинет как пушинку бездыханное тело себе на плечо, кинется вниз. Уже в машине он будет орать в рацию: «У Славы приступ, она не дышит, куда попугайчик из Мутного квадрата уехал?!». Потом, врубив все сигналы на максимум, ас Притуля полетит по ещё спящему пустому городу, наперерез машине реанимации. Ребята-реаниматоры, вот уж кто точно к раю приписан, там год за десять идёт, будут делать всё возможное и невозможное... Притуля и его машина будут выть на всю улицу... Нет, ребят, спасибо, успокойтесь, но вы же сами понимаете, секунды уже закончились...

Итак, не стоит тратить самые драгоценные мгновения своей, уже законченной жизни на лишние, ненужные движения. Тогда что, последние слова, итог? Чем закончить своё пребывание в этом трёхмерном кислородном мире? Как, зачем, для чего ты жила почти шестьдесят лет? Рита, скажи себе и миру!

Что в жизни женщины главное? Конечно, материнство. Да, Рита всегда была в этом убеждена до последнего времени. Но вот уже несколько лет, после того как её младшей дочери исполнилось тридцать, пришло и осознание того, что всё, миссия выполнена. Обе её дочери стали умнее, сильнее, во многом опытнее, и как бы старше матери. Конечно, все родители виноваты перед своими детьми, ведь, как и все обычные люди, они совершали ошибки. Ошибки перед детьми, иногда тяжкие и непоправимые, корёжащие и ломающие их судьбы. Но, видимо, с материнством Рита справилась неплохо, обе дочери живы, здоровы и превзошли свою мать практически во всём. Они сами прекрасные хозяйки и матери, бабушке Рите нянчить внуков почти не довелось. Да, пожалуй, она как мать состоялась, и сейчас, на последнем пороге... здесь всё хорошо.

Что в её жизни ещё, работа? Ну да, труд сделал из обезьяны человека, а тяжёлый, малооплачиваемый труд «на скорой» делает из человека обезьяну с чемоданом. Учение Дарвина вечно, ибо оно верно. Не то.

Хватит, Рита, довольно обманывать себя и мир. Не на это ты

хочешь потратить свои последние, драгоценные мгновения. Ведь ты сейчас думаешь о нём, он сейчас главное для тебя.

Он... он, Любимка. Рита назвала его так уже после первой встречи, сначала мысленно, спустя несколько недель – вслух. Звали его Анатолий, фамилия у него, как он сам всегда говорил, «очень редкая» – Петров. Но Рита звала его Любимка. А как ещё можно назвать любимого? Как ещё можно назвать этот мир, эту Вселенную?

Его любили птицы и кошки, его обожали маленькие дети. Его не любили собаки и грызуны, его терпеть не могли старые девы. Он обычно был хмур, но хоть раз одарив кого-либо своей улыбкой, заставлял отныне охотиться за ней. И Рита очень старалась добиться его улыбки. Питался он настолько заразительно-аппетитно, что, глядя на его трапезу, любые язвенники и диабетики забывали о своих строжайших диетах, а те, кто зарекался не есть после шести вечера, начинали жрать после десяти.

Его глаза... можно вспоминать их бесконечно. Умные, цепкие, слегка отрешённые, себе на уме, знающие что-то особое, серые, бл...ские глаза. Посмотреть – поймечь, это про него. За долю секунды он осматривал, оценивал, раздевал, имел, исследовал, обирал и одаривал, одевал и отдалялся. И так со всеми, все половозрелые женщины, на которых он посмотрел, значит... Кого-то это веселило и задорило, кого-то злило, кто-то недоумевал от наглости и цинизма, но равнодушных не было. А Рита влюбилась, сразу, по уши, и это в зрелые тридцать шесть лет. А после их первой близости, после того как он разбудил в ней женщину, да ещё как разбудил, да ещё, оказывается, о-го-го какую женщину... Марго понесло. Амёба, которая по документам числилась мужем, была отправлена обратно, к самой замечательной амёбиной маме. «Пятнадцать лет вместе, так нельзя, ради детей надо жить». Что, ключевое слово здесь «жить»? Вы пробовали жить с амёбой? Когда секс это тягостная, неприятная во всех отношениях обязанность, после которой натурально тошнит до рвоты и хочется поскорее помыться во всех местах. У несчастной матери не бывает счастливых детей. Когда «ради детей» даже не знает,

в каком классе его дочери. Когда с «по документам мужем» стыдно, везде и всегда стыдно, когда понимаешь, какая твоя главная ошибка в жизни. Когда осознаёшь степень своего прозябания, лишь увидев его, настоящего, Любимку.

Пусть все, абсолютно все, включая и твой собственный здравый смысл, говорят, что думать надо головой, а не влагалищем. Заткнитесь, завистники! Вам не понять, что такое проснуться на утро и ярко светиться лампочкой счастья, когда твоего гипертонуса хватает на весь день, а любые проблемы будут решены, у тебя всё получится. Что такое почувствовать себя ЗА мужем, а не просто замужем. Когда тебе в тридцать шесть лет дают почувствовать, что ты в этой жизни, оказывается, не тягловый мерин, а хрупкая женщина, сила которой в слабости. Когда все, от безусых юнцов до истёртых подвигами ветеранов, увидев тебя, начинают пыжиться, мужиться, менять осанку и тембр голоса. Когда буквально физически ощущаешь золотистое свечение, исходящее от тебя. Когда у тебя ничего не болит и не тянет. Когда так сладко засыпать на его плече. Когда ты идёшь или едешь с ним, и тебе абсолютно всё равно, как и куда, главное – с ним. Когда одна только мысль о нём расправляет тебе плечи и наполняет низ живота сладостным теплом. Когда под ним полностью теряешь реалии, ты можешь вскрикнуть, описаться, задрожать от перевозбуждения или отключиться от слабости, когда ты стонешь, таешь и растворяешься от его нежной, проникающей в тебя силы. Его голос, его запах, его до миллиметра изученное и прочувствованное, родное и любимое тело. Все его ужимки и прыжки, его хмурые брови, его редкая, ценная улыбка, его глаза, блудные, но видящие тебя. Оно или есть или нет, кто не пробовал, тот не поймёт.

Когда Любимка уезжал в командировку, весь город становился пустым, бесцветным, приглушённым и пресным, ждущим его приезда, чтобы снова жить полноценно. Ну и доездили. Закон равновесия – самый неустойчивый, зыбкий, но и самый неотвратимый закон Бытия. За всё приходится платить. Найденные бесхозные, полные денег кошельки и другие везения и подарки-пряники судьбы опасны, они потребуют расплаты. За союз по

любви платить придётся тысячекратно. За один грамм бабьего счастья надо выложить килограмм горя и слёз. После того как он одарил её гонореей, она выстояла. Профессионально-брезгливая, щепетильно-ответственная, но горячо любящая, смяла, сжала, скомкала свои принципы, свою суть. Проколола себя и его, вылечила, старалась простить, забыть. Но как у классика-врача: «...здесь сифилис тем и был страшен, что он не был страшен». Анатолий Петров искренне считал гонореей невинным «заблудившимся насморком». Через полгода был уже целый «букет Венеры» от него – ей. Ну и баста на этом. Конец всему, полное опустошение, тонны слёз, бездонная, чёрная депрессия, перешедшая в реальные физические заболевания. Её спасло чувство материнства и долга перед ещё несовершеннолетними тогда дочерьми. Только поэтому она выкарабкалась, поэтому осталась жить, ради детей. На себе, своей личной жизни Рита поставила жирный, крепкий крест. Мужчин у неё ещё было трое. Они были сильнее, умнее, красивее, порядочнее, богаче, опытнее, лучше. Но среди них не было любимого, разве кто-то из них мог заменить Любимку? Нет, это лишь суррогат, гимнастика для тела и чувств. Искра жизни, кураж, кундалини и ци, вкус новизны, дух обновления и развития, всё поникло в ней, истончилось. Если б не дочери, она бы и не выжила. Человек умирает не от диагноза, а от усталости. От усталости и слабости духа, от бесполезности, бесцельности бытия. Кто прошёл, тот поймёт, что это значит – вытащить из себя наживую, с кровью и мясом, то, самое дорогое, проросшее в тебя корнями, саму ось твоей жизни. После этого ты лишь по инерции доживаешь отпущенный тебе век.

И сейчас, на последнем мгновении, обескровленный умирающий мозг вдруг вспомнил ту запредельную боль... А последнее слово миру, «гражданам судьям», себе, ему... Самое важное, итоговое... Время вышло. И последний импульс мозга:

– Спасибо!

– Славна, Славна! Совсем не слышишь, что ли? Ну ты и спать, мать, горазда. – Притуля дёргает Славну за рукав куртки. – Обратно говорю, на подстанцию приказали ехать, помер твой

сердечник. Сейчас ещё реанимация подъедет, поупражняется с ним, а нам домой. Славна, очнись, хватит ночевать!

Славна открыла глаза и посмотрела на Притулю. Сон, это всё был сон. Её сердечный приступ, умирание в подъезде, последнее слово... Любимка... Нет, Любимка не сон, он был в её жизни. Спасибо и Любимке, и жизни. И Притуле, что разбудил. Скорей бы конец смены, зайти к Богрову, проколоть бедолагу. Потом приехать домой, включить совсем тихонько что-нибудь советское народное – «Аббу» или Кутуньо, – и заснуть. Отоспаться, отдохнуть, может, опять приснится Любимка. Спасибо, что он был в её жизни.

Спасибо, Любимка!

Виталий СЕМЁНОВ,
(Туркменистан). Некаýalar